

Социологическая публицистика

© 2015 г.

В.Л. ШУЛЬЦ, Т.М. ЛЮБИМОВА

“ДЕРЕВЯННЫЙ ЯЗЫК” КАК ЗЕРКАЛО РЕВОЛЮЦИИ

ШУЛЬЦ Владимир Леопольдович – член-корреспондент РАН (E-mail: cona01@yandex.ru); ЛЮБИМОВА Татьяна Михайловна – доктор философских наук, кандидат филологических наук.

Аннотация. В статье рассматривается феномен догматического и стереотипного языка, известного под метафорическим названием “деревянного”; приводятся различные его национальные модификации; выявляются его характерные признаки (стереотипность, вторичность, лженаучность, эвфемизация, демагогичность). Приводится таблица расхожих слов и выражений этого языка; анализируются возможности “деревянного языка” как инструмента манипуляции общественным сознанием, извращающего социальную природу языковой коммуникации. На фоне краткого рассмотрения ряда лингвистических и философских теорий XX в. (Э. Сепир, Б. Уорф, М. Фуко, Н. Хомский, А.Ф. Лосев, Ч. Пирс, Р. Барт, У. Эко и др.) акцентируется социальный статус языка как активного начала, творящего и предвосхищающего реальность; выдвигается гипотеза о взаимосвязи между построенной на стереотипах “деревянного” языка дискурсивной практикой того или иного общества и происходящими в нем социальными изменениями – вплоть до протестных, революционных событий.

Ключевые слова: *деревянный язык • политкорректный язык • эвфемизм • стереотип • азбука пропаганды • языковая демагогия • генератор языка • дискурсивная практика • деконструктивизм • демонтаж системы*

Что такое “деревянный язык”? Может быть, лишенный непринужденности (как деревянная походка) или невыразительный (как деревянное лицо)? Деревянный, как полено; неотесанный, как Буратино? Не “дубовый” ли язык имеется в виду? И если “дубовый”, то какой – тяжеловесный (“дубовый” стиль) или “великий и могучий”?

Французский исследователь Ж. Гийерон [Guilleron, 2010] раскрывает феномен этого языка, рассматривая его образное название как метафорическое обозначение стереотипного языка, который изобилует штампами и лозунгами, свойственными политической пропаганде, и выражает догматические позиции, крайне удаленные от реальности. Считается, что этот язык впервые вылупился в восточноевропейских странах, в частности, в царской России, где поначалу олицетворял тяжелый и ригидный канцелярский язык бюрократии («Никогда он не говорил “вы пошли”, но “вы изволили пойти”, “я имел честь покрыть вашу двойку”» [Гоголь, Т. 3: 13]).

Ж. Гийерон проводит параллели между различными национальными вариациями “деревянного языка”: в Польше он расцвел под сладким названием “Nowo towia”, у китайцев он называется “свинцовым языком”, у немцев – “бетонным”, в США, начиная с 60-х годов прошлого века, он принимает форму “политкорректного языка”. По сути политкорректный язык известен со времен Н.В. Гоголя: “Чтоб еще более облагородить русский язык, почти половина слов была выброшена вовсе из разговора, и поэтому весьма часто нужно было прибегать к французскому языку” [Гоголь, Т. 3: 157].

Генератор “деревянного языка” эпохи развитого социализма

1	2	3	4
Дорогие коллеги	осуществление задач программы	обязывает нас проанализировать	существующие финансовые и административные возможности
С другой стороны	сложность обстановки	выполняет главенствующую роль, формируя	основные направления дальнейшего развития
При этом	непрерывное возрастание масштабов нашей деятельности	требует уточнить и определить	системные принципы всеобщего участия
Тем не менее, не будем забывать, что	существующая структура организации	способствует подготовке и реализации проекта, предусматривая	различные модальности отношения членов организации к их обязанностям
Таким образом,	новая модель деятельности организации	гарантирует участие в процессе значительных сил и формирует	новые предложения
Практика повседневной жизни доказывает, что	непрерывное развитие разнообразных форм деятельности	выполняет важную роль в развитии и определяет	векторы прогресса
Нет необходимости подробно обособовывать роль и значение этих проблем, так как	информационная и пропагандистская активность, являющаяся непреложной гарантией развития,	создает отныне	факторы формирования кадров, отвечающие насущным требованиям
Разнообразный и богатый опыт демонстрирует, что	развитие новых структур	препятствует адекватной оценке значимости проекта и создает	соответствующие условия для деятельности
Организационные усилия убеждают нас в том, что	консультация с многочисленными активистами	представляет собой интересный опыт и верифицирует	модель последующего развития
Высокие идеологические принципы свидетельствуют о том, что	начало деятельности по выработке условий	влечет за собой процесс реструктуризации и модернизирует	деятельностные подходы

Современный американский политкорректный язык выбрасывает упоминания о расовой принадлежности человека, его физические и гендерные характеристики, которые расцениваются как дискриминация и могут повлечь за собой уголовную ответственность. «То есть в языке появляются новые слова: вместо “слепой” – визуально ущербный», вместо “низкого роста” – “вертикально ущербный”, вместо “со вставной челюстью” – “имеющий альтернативную зубчатость”, вместо “садомазохист” – “альтернативно удовлетворяемый”. О людях негроидной расы часто говорят как о “меланинообеспеченных”, а о белой расе как о “меланиноущербных” [Данилова, 2009: 69].

В 1981 году французская газета “Либерасьон” опубликовала исследование польских студентов, которые постарались продемонстрировать механизмы “дубового языка” в официальной политике современной им эпохи [цит. по: Guilleron, 2010: 200–201]. Этот генератор “деревянного языка” функционирует следующим образом: нужно начать с первой клетки первого столбца, потом перейти к любой клеточке второго столбца, далее к выбранным наугад клеточкам третьего и четвертого столбцов; затем надо вернуться к любой строке первого столбца и проделывать ту же операцию в любом направлении – по горизонтали и по вертикалям (табл. 1).

Генератор “деревянного языка” эпохи перестройки и рыночных преобразований

1	2	3	4
Уважаемые коллеги (избиратели, гости...)	раскол общества	требует от нас	определиться в своих идейных ориентирах
Господа интернетовцы!	опасная эскалация конфликта	заставляет	учитывать печальный опыт прошлого
На волне перемен	осуществление стратегии реформ	вызывает необходимость	выйти из состояния прозябания
На заре демократии	демократический вектор развития	побуждает нас	догонять цивилизованные народы
С учетом новых реальностей можно утверждать, что	новая волна морального негативизма в обществе	влечет за собой неизбежность	действовать через демократические институты
С высокой кремлевской трибуны прозвучало, что	болезненное расставание с тяжелой наследственностью социализма	предполагает задачу	сесть за стол переговоров
Все больше людей убеждены, что	ползучий переворот	призывает нас	проводить осмысленную политику
Политически активная часть населения считает, что	процесс мучительного избавления от прошлого	приводит к необходимости	пойти на политический компромисс
В условиях перемен	радикализация реформ	предусматривает возможность	развивать социальное партнерство
Несмотря на протесты упертых догматиков,	масштаб преобразований	ведет к тому, чтобы	встроиться в мировое сообщество

Более двадцати лет прошло со времен зарождения “зари демократии”, и за этот срок язык “нового исторического мышления” тоже отчасти одеревенел (табл. 2).

Для “деревянного” языка характерны стереотипность, вторичность, лженаучность, эвфемизация, демагогичность.

1. *Механизм стереотипизации* известен со времен “азбуки пропаганды”, разработанной в 1930-е гг. американским Институтом анализа и пропаганды (“наклеивание ярлыков”) и всесторонне изучен отечественными и зарубежными исследователями (Я.Н. Засурский, Ю.В. Воронцов, А.И. Власов, С.Г. Кара-Мурза, Л. Войтасик, Г. Шиллер, Г. Маркузе, Ш. Дюран, Д. Матисон, Т. ван Дейк и др.). Если под социологическим стереотипом в соответствии со сложившейся традицией понимается эмоциональный, устойчивый и предвзятый символ, укоренившийся в сознании людей, то языковой стереотип – это коннотативное и категориальное приложение к основному лексическому значению слова, передающее коллективное представление о денотате. Как известно, стереотипы сильны в сознании людей [Кара-Мурза]¹. В начале 1970-х гг. американский журнал “Гарвард бизнес ревью” опубликовал на обложке странную картинку, в которую редакция просила внимательно взглядеться. Был изображен салон автобуса, в котором скандалили двое – белый и негр, у одного из них в руке была опасная бритва. Позднее картинку напечатали снова, но без бритвы. Редакция попросила читателей вспомнить, у кого из участников скандала была в руке бритва. Потом были опубликованы результаты этого стихийного социологического эксперимента: большинство читателей считали, что бритва была в руке негра. В реальности она была у белого.

Языковые стереотипы являются формой выражения социальной категоризации, основанной на предвзятости. Понятно, что далекая от “дубовости” живая речь –

¹ С.Г. Кара-Мурза приводит пример устойчивости расового стереотипа в массовом сознании.

не aqua distillata, она тоже может содержать в себе некую примесь стереотипов. Но в “деревянной речи” концентрация достигает предельных величин.

Начиная с 1990-х гг. стереотипность общественно-политической речи выражалась в удивительной однозначности оценок при освещении событий в СССР, на постсоветском пространстве или в странах Восточной Европы. Расхожие метафоры, языковые клише, стереотипы переходили из информации в информацию: “тоталитарное прошлое”, “зов свободы”, “заря нарождающейся демократии”, “свет в конце туннеля”, “глоток чистого воздуха свободы”, “возвращение на столбовую дорогу цивилизации”, “выход из пучины слаборазвитости”, “глобальное политическое мышление”, “мучительное избавление от родовых травм переходного периода”, “Россия поднимается с колен” и др. Как известно, эти идеологические фантомы в форме стереотипов, которые сулили России блестящее будущее на пути рыночных преобразований, привели к неоднозначным результатам.

2. *Вторичность “деревянного языка”* – это одновременно и причина, и следствие его стереотипного характера, ибо расхожие штампы кочуют из информации в информацию, унифицируя информационное пространство, что признают даже западные идеологи – провозвестники плюрализма. Как пишут американские исследователи Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, “несмотря на то, что западные средства массовой информации представляют широкий спектр мнений, способ подачи материала, как правило, подогнан под запросы американцев европейского происхождения и отражает их прозападную, капиталистическую, прагматическую, демократическую, иудео-христианскую ориентацию” [Зимбардо, Ляйппе, 2000: 157]. “Деревянный язык” не творит новые смыслы и образы, он лишь тиражирует. Понятно, что вся современная культура интертекстуальна, однако интертекстуальные вкрапления в тексте могут быть эмоциональным авторским переосмыслением оригинала, ассоциативным откликом, мифологическим прочтением, пародией, а могут быть плоским, бездумным заимствованием.

3. *Лженаучность*. Наукообразная напыщенность “деревянного языка” принимает гиперболические формы. Например, чтобы научить своих соотечественников понимать предельно усложненный современный французский язык, каким он предстает в гуманитарных науках, французские пародисты опубликовали даже специальный разговорник с разъяснениями. Так, вместо фразы “Не кажется ли вам, что язык Ролана Барта слишком сложен для французов?” рекомендуется говорить: “Не является ли Р.Б. в своей макрологической функции слишком заградо-запретительным даже для галлицистской интерпретации?” [Зелдин, 1989: 283].

Наукообразный “деревянный язык” несет в себе еще и “эффект сельского сторожа”. Об этом эффекте пишет французский автор Р. Бове в книге “Шестиугольный язык таков, как на нем говорят” [Beauvais, 1970] (шестиугольным иногда называют территорию Франции. – *Прим. автора*). Этот синдром заключается в том, что если обычному сельскому сторожу придется выбирать между такими словами, как “включать” и “инкорпорировать”, он обязательно выберет последнее вследствие того уникального эффекта, который производят на простые души наукообразные формы обобщенно-размытой семантики.

4. Нарочитая эвфемизация “деревянного языка”. Эвфемизмы, то есть нейтральные слова, которые используются в речи для замены неприличных или неуместных слов, могут быть инструментом политкорректного языка, о котором уже шла речь как об американской вариации “деревянного языка”. Американский лингвист Д. Болинджер [Болинджер, 1998: 23–44] одним из первых показал, что в целях скрытого воздействия на сознание бомбардировки становятся “защитной реакцией или воздушной поддержкой”, точечные бомбардировки – “хирургическими ударами”; концентрационные лагеря – “центрами умиротворения”; ядерная бомба – “усиленным радиационным оружием”. По мысли французского исследователя Ф. Бретона [Breton, 2000: 111–112], эвфемизмы функционируют как своего рода ментальные рельсы. Он напоминает, что постоянно приходится читать и слышать о том, как полиция в европейских странах, подавляя протестные выступления, применила “каучуковые пули”. Неопытный чело-

век обычно удивляется, как такая пуля могла ранить или убить кого-то. На самом деле это стальные шарики, обернутые тонким слоем резины. Языковое переформатирование не позволяет увидеть, насколько применение этих пуль может быть грубее, чем само слово, скрывающее жесткую реальность. Или взять эвфемизм “мягкий суверенитет” – словосочетание, являющееся образчиком Нео языка международного общения, когда в общепринятые понятия добавляется прилагательное или вносятся иные правки, вследствие чего смысл этого понятия меняется до неузнаваемости и приобретает вид постмодернистской ситуационной игры. К таким образованиям относятся, например, “бархатная революция”, “гуманитарная интервенция”, “управляемая демократия”. Подобная игра слов вовсе не безобидное занятие интеллектуалов, а продуманная хаотизация устоявшихся норм и ценностей (см. подробнее: [Локосов, Шульц, 2008: 18–19]).

5. Наконец, *демагогичность* “деревянного языка” как доведенная до абсурда эвфемизация. Дж. Оруэлл, автор пророческого романа “1984”, создает “новланг”, то есть пустой, демагогический язык, одну из разновидностей “деревянного”, где все слова лишены своего первоначального смысла (“Война – это мир”, “Свобода – это рабство”, “Невежество – это сила”). Демагогичность “деревянного языка” убедительно раскрывается в политехнологиях, когда тот или иной участник избирательной кампании пытается играть на поле противника, подбирая оппозиционные лозунги и тем самым вводя в заблуждение избирателей. В какой-то мере это проявилось, например, в ходе президентской избирательной кампании во Франции в 2007 году, когда Н. Саркози, кандидат от правоцентристской партии, связанной с идеей свободы как либерализации экономических условий для крупного капитала и его представителей, говорил в духе риторики левых, покровительствуя отверженным, обделенным и униженным тем самым крупным капиталом: “Я хочу поговорить с теми из моих соотечественников, кто изношен жизнью, с теми, кто находится в отчаянии, я хочу поговорить с больными, с инвалидами, с пожилыми, с теми, кого слишком сильное давление опустошило, с теми, кто слишком страдал. Так вот, я хочу им вернуть надежду...”².

Итак, в этом своем квалификационном объеме (как язык стереотипов, эвфемизмов, заимствований, псевдонаучности и демагогии) “деревянный язык” легко становится вербальным инструментом манипуляции общественным сознанием. Акцентируя проблему манипуляции сознанием, заметим, что в рамках психологических наук манипуляция понимается обычно как скрытое управление адресатом со стороны манипулятора, при котором адресат начинает действовать против своей воли и интересов и ему наносится ущерб. При более широком понимании процесса манипуляции, выходящем за рамки межличностных отношений и учитывающем циркуляцию информации по многочисленным каналам международной коммуникации, а также установленную исследователями [Зиновьев, 2005: 230] возросшую степень запланированности, изученности, осознанности социальных явлений и поведения людей в современном мире, влекущую за собой усиленный контроль за ходом процессов и сознательную фабрикацию истории центрами власти, – определение этого феномена может быть укрупнено. В современном мире манипуляция сознанием становится активной технологией воздействия, использующей информационное влияние на микроуровне (индивидуальное сознание), макроуровне (общественное сознание в рамках национального пространства) и мегауровне (в масштабах всего человечества), которое поступает по многочисленным каналам международной коммуникации (СМИ, кибервлияние, массовая культура и т.д.); инициирует отдельных индивидов и социум в целом на действия по определенной программе, вопреки их собственным интересам и тем самым провоцирует глобальные изменения мироустройства в интересах субъекта манипуляции. “Деревянный язык”, создающий “языковую зашоренность интеллекта” (Л. Витгенштейн) тиражированием длиннот и пустот, усыпляющий своими тирадами, искусно и незаметно подменяющий смыслы на противоположные, может рассматриваться как

---

² Международное французское радио. 23 апреля 2007 г.

формальное выражение манипуляционной технологии воздействия на общественное сознание.

Рассмотрим манипулятивный потенциал “деревянного языка” на одном примере, ставшем своеобразной классикой жанра: его обсуждали многие французские специалисты в области риторики и аргументации (Ж. Мушон, Ю. Виндиш, Ж. Готье, Ж. Симонен, С. Бонафу), а Ф. Бретон детально проанализировал все его внутритекстовые связи и переходы [Breton, 2000: 131–140]. Речь идет о выступлении по французскому телевидению 26 февраля 1995 г. Ж.-М. Ле Пена, основателя ультраправой партии Национальный фронт, в связи с сенсационным убийством двумя расклейщиками афиш этой партии молодого иммигранта, выходца с Коморских островов. Высказав традиционные соболезнования семье погибшего, Ж.-М. Ле Пен перевел разговор в другую плоскость: “Но я добавлю еще, что я считаю его жертвой, так же, как и всех тех, кто оказался замешан в это дело, – все они жертвы атмосферы, которая царит в этих пригородах, порождающих страх, беспокойство, тревогу, а иногда и действия по самообороне. Следовательно, я не хотел бы, чтобы этот случай квалифицировался как убийство, которое является специфическим понятием французского уголовного кодекса... Я считаю, что и одна, и другая сторона – жертвы. Речь идет о драме самообороны. Речь идет о людях, которые напрасно вооружились, которые ночью оказались в северном квартале, в своем квартале, позвольте вам напомнить, ибо это квартал расклейщиков афиш, где, как известно, царит большая напряженность в связи с явлениями иммиграции. Я хотел бы разоблачить здесь тех, кто строит из себя правозащитников и возглавляет демонстрации протеста; они же и отвечают за политику, которая привела в нашу страну десять миллионов иммигрантов за двадцать лет”. Как показывает Ф. Бретон в своем обстоятельном анализе этой речи, оратор выстраивает цепь псевдо-каузальных зависимостей, скрепляя воедино “пригороды-страх-тревогу-самооборонительные действия”. Как звенья одной цепи предстают иностранцы и правозащитники, которые отстаивают их права, а также “ответственные за миграционную политику”, и каждое из этих звеньев поочередно ассоциируется с “очень большой напряженностью”. Когнитивная манипуляция заключается в следующем: и убийцы, и убитый являются жертвами насилия, царящего в этом квартале, а это насилие, в свою очередь, спровоцировано иммиграцией. В конечном итоге убийцы являются жертвами иностранцев, а убитый иностранец становится жертвой самого себя по принципу “сам виноват”. Сфальсифицированная таким образом ситуация полностью перевернута: убийцы являются жертвами, поскольку они у себя дома, а жертвам, поскольку они иностранцы, остается винить самих себя.

Как видим, истина здесь вывернута наизнанку в лучших традициях оруэлловского языка. Это выворачивание истины наизнанку – отнюдь не парадоксы поэтического видения мира вроде “От жажды умираю над ручьем” (Ф. Вийон) или “Чтобы быть естественным, необходимо уметь притворяться” (О. Уайльд), а продуманное политическое заявление, интенционально направленное на подмену смыслов за счет жонглирования словами. А слова, на которые делается ставка в этой манипулятивной игре – это те самые штампы и клише медиадискурса, которые кочуют из информации в информацию с такой регулярностью, что массовое сознание отчасти утратило способность их адекватно воспринимать: то есть сами лексико-грамматические единицы “деревянного языка”. Ключевым из них стала “атмосфера напряженности”, царящая в квартале, округе, предместье, пригороде, стране и т.д., без которой не обходится ни одно политическое выступление, ни один полицейский отчет. Именно эта напряженность сначала вооружает убийц в целях возможной самообороны, а потом их реабилитирует, превращая совершенное на почве ненависти убийство в несчастный случай.

Языковая манипуляция общественным сознанием с использованием всего арсенала приемов (явных и латентных, рациональных и суггестивных), включая затвердевшие структуры “деревянного языка” – это, по сути, извращение социальной функции языка. Ведь социальная природа языка предполагает объективное отражение в нем закономерностей общественного развития, а не деформацию социальных процессов

с помощью скрытых лингвистических и паралингвистических приемов воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Проявления социальной обусловленности языка носят всеохватывающий характер: межличностная и групповая коммуникация, бесчисленные аспекты международного общения и сотрудничества; языковая картина мира народов; мировая наука, культура, массовая информация; языковая политика государств и мировой лингвистический процесс; язык как хранитель информации о прошлом, как социально-духовная матрица человечества. В языке все социально в том смысле, что он не может ни функционировать, ни развиваться вне общества... Такой язык перестает развиваться, изменяться, жить. Он отмирает (например, хеттский, санскрит, урартский, древнемонгольский и др.). Взаимодействие между лингвистическими и социальными процессами имеет зеркальный характер: воздействие социальных факторов (стихийное и общественно регулируемое) на языковые процессы и воздействие языка на социальные структуры. Противники абсолютизации социальной функции языка утверждают, однако, что социальная природа языка не может определять все языковые процессы: "Если социальная природа языка определяет в языке все, то она тем самым превращается в самостоятельную творческую силу. Но в действительности это не так. В языке отражаются не только законы общества, но и законы природы" [Роль человеческого..., 1988: 3]. Это утверждение несколько ригористично: природные и социальные законы не равносильному, и в процессе антропогенеза природное начало постепенно уступает место социальному, о чем свидетельствуют все новые исторические факты. Французский палеонтолог И. Коппенс, к которому мировая слава пришла после сенсационной находки останков австралопитека Люси, высказал гипотезу о происхождении человеческого языка как результата приспособления обезьян к жизни в саванне после вызванного экологической катастрофой переселения их из лесов Восточной Африки [Шульц, Любимова, 2013: 74–84]. Предантропид стал человеком с того момента, как он перестал руководствоваться в своем поведении инстинктивной информацией, запечатленной на генетическом уровне и отражающей специфику выживания в лесной среде, а развил речь как пред-социальное средство общения между особями; то есть над природной (генетической) сигнальной системой, оказавшейся неустребованной в новой экологии, он протянул новую "систему передач" – экстренную сигнально-информационную систему, эффективную в новых условиях. Когда замолчала информация природного уровня, отраженная в генах, зазвучала постепенно формирующаяся речь, заполняя собой образовавшийся информационный вакуум. Ее примитивный социально-ориентированный характер, нацеленный на передачу другим своего жизненного опыта, помогал выжить особи и популяции.

Таким образом, признание социальной функции языка абсолютно доминирующей не является ее гипостазированием, и значит, социальный статус языка как активного начала, творящего и предвосхищающего реальность, не может вызывать сомнений.

Это гипотетическое утверждение опирается на устойчивую теоретическую традицию. В ряде филологических и философских исследований высказываются гипотезы о роли языка как прогностической структуры, в которой заложен потенциал критического осмысления прошлого, анализа настоящего и предвидения будущего, о словах как кванторах, то есть семантических стрелках, будущих явлений и состояний.

Лингвистическая гипотеза о языке как творчески активном начале и прогностической реальности имеет свою обстоятельную предысторию. Как известно, во второй половине XX в. формальный подход к языку как к явлению, существующему "в самом себе и для себя", доминировавший ранее в сравнительно-историческом языкознании, младограмматизме, концепции Ф. де Соссюра, в трудах Женевской школы, в функциональном структурализме Пражского лингвистического кружка, в американском дескриптивизме и т.д., отчасти отступает, открывая путь тенденции, исторически восходящей к В. Гумбольдту и концептуализирующей язык как *Energieia*, как мыслящую и творящую силу, которая, с одной стороны, "опирается на совокупность человеческой духовной силы", а с другой стороны, сама воздействует на человека и человечество [Шульц, Любимова, 2008: 38–50].

Гумбольдтовская идея о творческом и активно-деятельном характере языка, о воздействии языков на национальный дух народов в той или иной мере катализовала многие лингвистические искания XX в. – концепцию языкового дрейфа Э. Сепира; гипотезу Б. Уорфа о различных моделях расчленения мира и кодирования событий, заложенных в разных языках; эпистемологию “слов и вещей” М. Фуко, в которой используется такой аргумент, как гумбольдтовская антитеза “Ergon-Energeia”; генеративную грамматику Н. Хомского, считавшего, что необходимо отвергнуть сосюрровскую концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов.

Лингвистические теории этой направленности, доминантой которых является осмысление языка как активного, творящего начала, взаимодействуют и с некоторыми философскими исследованиями. Мысль о прогностической роли языка/текста пунктирно намечена в трудах представителей разных направлений философии XX в. Основоположник немецкого экзистенциализма М. Хайдеггер образно представлял речь поэта как подхватывание намеков богов [Хайдеггер, 1991].

Основоположник философии имени А.Ф. Лосев писал о тайне слова, о том, что в слове есть нечто, что сильнее, глубже и интереснее, чем “слабенькая магия”: внутреннее ядро имени образуется некоей силой, энергией; она-то и пробуждает “в рабах творческую волю, у невежд – светлое сознание, у варвара – теплоту и глубину чувства” [Лосев].

Родоначальник американского прагматизма Ч. Пирс сформулировал основной принцип лингвопрагматики, в соответствии с которым значение слова должно рассматриваться в свете возможных последствий и практических результатов; при таком теоретическом подходе слово осмысливается как матрица будущих состояний реальности.

Другой представитель американской лингвопрагматики Дж.Р. Серль вводит такое понятие, как направленность приспособления мира к словам, которое проявляется в таких речевых актах, как клятвы, обещания, просьбы, требования, приказы и т.д. За каждым речевым актом (актом высказывания) должен стоять интенциональный акт сознания.

Французский теоретик Р. Барт в стиле характерного для структуралистов и пост-структуралистов смешения когнитивных парадигм писал, что язык – это не столько запас материала, сколько горизонт. “Язык – это площадка, заранее подготовленная для действия, ограничение и одновременно открытие диапазона возможностей” [Барт, 2000: 53–54]. Р. Барт концептуализирует повествовательный текст как такую форму, которая “одержала победу над принципом повторяемости и утвердила модель становящегося бытия”. Моделирование текстом будущего осуществляется, в частности, за счет дистрибутивных единиц, классический анализ которых был дан, по мысли Р. Барта, Б.В. Томашевским: “Так, покупка револьвера имеет в качестве коррелята момент, когда из него выстрелят...; снятие телефонной трубки коррелирует с моментом, когда ее положат на место; появление попугая в комнате Фелисите коррелирует с эпизодом набивки чучела, со сценами поклонения ему” [Барт, 2000: 231].

М. Фуко, которого причисляли и к позитивизму, и к феноменологии, и к структурализму, и к антипсихиатрии, предлагает проект “формализации речи как целостного истолкования мира, которое было бы в то же время его полной демистификацией”: “Выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в словесные формы, исторические изменения которых от них ускользают, люди полагают, что их жизнь им повинует, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям. Грамматические структуры языка оказываются априорными предпосылками всего, что может быть высказано” [Фуко, 1994: 321–327]. По мысли У. Эко, творческая способность языка проявляется в том, что метафоры, предвосхищая фактуальные суждения, “переворачивают и реструктурируют семантическую систему, прокладывая в ней маршруты, которых прежде не было”: “Поэт предвосхищает будущее развитие научно-понятийного знания, потому что – пусть всего лишь с помощью выразительных

средств своего искусства – “размыкает” понятийные цепи, разъединяя их, вырывая из привычных семиотических конфигураций” [Эко, 2007: 148–149].

Итак, креативность слова, его прогностический потенциал, постижение через язык тайны бытия и смыслов будущего – это не только вектор теоретической мысли лингвистов и философов, но и прибор социальных измерений, термометр накала общественных процессов.

В условиях пролиферации различных вариаций “деревянного языка” очевидной становится генетическая взаимосвязь между построенной на стереотипах дискурсивной (речевой) практикой того или иного общества и происходящими в нем социальными изменениями – вплоть до протестных, революционных событий. Действительно, нет ничего более общеизвестного, чем тот факт, что Просвещение во Франции XVIII века (Вольтер, Руссо, Монтескье) подготовило Великую французскую революцию, а русские просветители, революционеры-демократы (Белинский, Герцен, Чернышевский) идейно вдохновили Великую октябрьскую революцию. Конец XX в. привнес новизны лишь в том, что идеи, способные были некогда разрушить феодализм, в условиях постмодерна обрели форму языковых идеологем, укорененных не столько в институциональных практиках того или иного периода, сколько в языке, на котором говорит общество.

Ссылаясь на Маркса, Ленина и неомарксиста Л. Альтюссера, французский структуралист Ф. Соллерс говорил о том, что “всякое письмо, желает оно того или нет, является политическим. Письмо есть продолжение политики другими средствами”. Язык, по мысли Ф. Соллерса, функционирует в “тексте капиталистического общества”, а поэтому демонтаж языка (“буржуазного языка”) является наиболее эффективным способом демонтажа буржуазной системы [цит. по: Андреев, 2001]. Французские интеллектуалы и весь парижский авангард, вышедшие на баррикады в мае 1968 года, всерьез считали, что покончить с современным обществом можно путем разрушения его языка – языка избитых истин, надоевших штампов, выцветших лозунгов, устаревших призывов. Эти майские баррикады сокрушили “деревянный язык” “двадцати славных лет” поствоенного периода деголлевской Франции с ее “розами в кредит” формирующегося общества потребления, выросшими на ветру излета великих иллюзий Сопротивления.

Двадцатилетие спустя процесс замены слов начался в СССР и странах социалистического содружества: язык цитаций из отчетов партсъездов и коммунистических фантомов, в которые уже мало кто верил, начал уступать место прозрачным, пока не засоренным образам языка перестройки. За этой новой языковой транспарентностью последовал мирный демонтаж советской системы с отдельными амплитудами немирного революционного накала (август 91 г., октябрь 93 г.).

Прошло еще двадцать лет (фатальный временной лаг в двадцать лет – именно он отделяет друг от друга две мировые войны), и одеревенел уже некогда сочный язык перестройки (см. табл. 2). За этой демистификацией постсоветского языка, свершившейся в массовом сознании, последовал мирный демонтаж (по сути революционный) ельцинской олигархической системы. Демонтаж олигархической системы проводился в четыре этапа. На этапе № 1 был ликвидирован прямой канал воздействия олигархов на власть. Этап № 2 был посвящен освобождению СМИ от контроля олигархов. На этапе № 3 был ликвидирован контроль над лобби российского капитала. Для этого государство поддержало представителей крупного бизнеса, которые ранее не могли составить конкуренцию олигархам. В результате олигархи были изолированы от СМИ и лобби. На этапе № 4 изолированные олигархи были удалены. В результате политэкономическая система приобрела вид либерально-демократической системы, в которой российский капитал лоббирует свои интересы во власти, но не контролирует ее [Шульц, Цыганов, 2008: 10].

Таким образом, “деревянный язык”, на котором начинает говорить общество, – это всегда верный симптом скорых социально-политических изменений, которые должны произойти по модели революции или по модели мирного демонтажа системы для того,

чтобы хотя бы на короткий период власть заговорила с народом на одном языке. Это не означает, что элита должна перейти на обценную или инвективную лексику отчаявшихся людей, которых в народе немало, а значит, что на формальном уровне этот язык социального взаимодействия должен принять в себя и “уличное слово”, и “умение пронять хорошенько словом”, и “издевку, насмешку, попрек, словом – все шевелящее и задирающее за живое” [Гоголь, Т. 7: 197]; на содержательном же уровне это должен быть язык демократических приоритетов и уважительного социального партнерства.

В заключение обратимся к литературному штриху. В своем письме редактору издательства “Прогресс” от 18 июня 1980 г. писатель В.Г. Распутин пишет по поводу издания его произведений на иностранных языках: “Я с радостью увидел Вашу подпись на строгой печати и, не раздумывая, поставил свою подпись – если даже Вы решите переводить меня на языки майя или homo sapiens. Хинди для меня, провинциала, звучит примерно так же. Это у меня от бабушки: когда началась война, она, рассказывая, спрашивала, на каком языке говорят немцы – на русском или бурятском”³. На каком бы языке ни говорили граждане многонациональной России – русском, бурятском или немецком – в целях общественного благополучия они имеют право слышать не трескучие, как дерево, посулы несбывшихся обещаний, а язык открытых архивов и банковских счетов, язык правдивой отчетности и реальных перспектив, “язык, который сам по себе уже поэт” [Гоголь, Т. 4: 211–2012].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия?// Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. Учеб. пособие / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
- Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
- Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
- Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 7 т. / Под ред. Н.С. Тихонравова. М., 1889–1896.
- Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2009.
- Зэлдин Т. Все о французах. М.: Прогресс, 1989.
- Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
- Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2005.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием // <http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt>
- Локосов В.В., Шульц В.Л. Основания консолидации современного российского общества (социологические аспекты). М.: ИСПИ РАН, 2008.
- Лосев А.Ф. Философия имени. 42//www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/intro/php Роль человеческого фактора в языке”. М.: Наука, 1988.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.
- Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос, 1991. № 1.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М. Язык как метареальность и прогностическая структура//Вопросы философии. Вопросы философии. № 8. С. 38–50.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М. Слова как “кванторы будущего” // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 74–84.
- Шульц В.Л., Цыганов В.В. Теория социально-экономических изменений// Информационные войны. 2008. № 2(6). С. 10.
- Эко У. Роль читателя. СПб.: Symposium. М.: Изд-во РГГУ, 2007.
- “Язык и общество”. М.: Наука, 1968.
- Beauvais R. L’Hexagonal tel qu’on le parle. P.: Hachette, 1970.
- Breton Ph. La parole manipulée. Paris: Découverte&Syros, 2000.
- Guilleron G. Langue de bois. Paris: First, 2010.

³ Оригинал письма хранится в семейном архиве одного из авторов статьи.